

Н. Ю. Альмеева

**ФИННО-УГРЫ, ТЮРКИ:
ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ФОЛЬКЛОРНЫХ МЕЛОДИЙ В ВОЛГО-КАМСКОМ
РЕГИОНЕ**

На материалах дошедшего до нашего времени обрядового пения народов Волго-Камского региона можно проследить этнические процессы, этнокультурную историю и этногенез. Музыкально-структурные параметры традиционного пения (обрядового фольклора) способны показать родство этносов / культур во времени и в пространстве истории. Рассматривается традиционный песенный фольклор финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья в историко-культурном контексте региона, а также в аспекте этнической идентичности в музыке устной традиции.

Ключевые слова: Волго-Камский регион; финно-угры, тюрки; обрядовые песни; этнокультурные диффузии; этническая идентичность, традиционное пение; фольклор и этногенез; культурогенез; этнокультурный субстрат.

Фольклорная традиция, хранимая коллективной культурной памятью определенного сообщества, складывается и существует в историческом и этнокультурном контекстах, то есть во времени и пространстве этнической истории. Музыка устной традиции, казалось бы, самая ускользающая часть традиционной культуры по сравнению, например, с традиционным костюмом, как выяснилось, тоже может запечатлеть информацию о передвижении этноса и его контактах. Происходит это благодаря тому, что в традиционном пении есть устойчивые структуры интонации и ритма. Особенно устойчивы ритмические структуры.

Как показывает опыт человечества, коллективная память деревенской общины, транслирующая традицию в веках, демонстрирует поразительные факты многовековой живучести архаического слоя музыкального мышления. Обнаружение следов этноса на географических пространствах оказалось одной из увлекательнейших возможностей этномузыкологии. Наука о музыкальном фольклоре способна эти следы «прочитать», что музыкальная наука доказала [Виноградов 1960; Земцовский 1992; Барток 1966; Кодай 1961]. Существуют немногие, но яркие научные образцы исследования взаимосвязей этносов через данные музыкального фольклора, которые в контексте настоящей статьи чрез-

вычайно важны своими целями, принципами и результатами исследования, как, например, книга И. И. Земцовского «Мелодика календарных песен», показавшая древнюю историческую общность ряда европейских этносов, и прежде всего славян, на материалах их календарных песен [Земцовский 1975].

Еще более ранний научный опыт, непосредственно относящийся к истории Волго-Уральского региона, в европейской науке существует с 30-х гг. XX в. Это опыт выдающихся венгерских композиторов Белы Бартока и Золтана Кодая в изучении венгерской народной песни, освещенной ими как свидетельство великого переселения венгров в Европу и их исторического родства с марийцами, чувашами, татарами Поволжья, ногайцами. Именно этим двум историческим личностям принадлежит открытие так называемого старовенгерского пентатонного стиля в фольклоре, обнаружение в венгерских деревнях древних песен, доживших до XX в. Два выдающихся венгерских музыканта, увлеченные историческими связями венгерской музыки, сразу оценили этот слой мелодики как исторический источник, как древний азиатский след венгров-мадьяр, сохранившийся на Дунае с гуннских времен. Зная этническую историю венгров, говоря об их азиатской прародине, Барток вместе с Золтаном Кодаем придавали большое значение изучению Среднего Поволжья. В своей книге «Народная музыка Венгрии и соседних народов» Бела Барток прямо пишет, что для понимания происхождения пентатонных песен Венгрии и Румынии необходимо «знать музыку северных тюрков, живущих на границе Азии и Европы (тут речь идет, очевидно, о чувашах и башкирах. – Н. А.), и народную музыку татар». Стиль же старовенгерских пентатонных песен он называет «северным тюркско-татарским» (Барток 1966, 44). Связь венгерского и марийского мелодического материала он называет «бесспорной» [Там же]. Подчеркнем, что это открытие было сделано в обстановке принципиального увлечения венгров музыкой чардаша, который считался и считается символом венгерской идентичности, а генетически является музыкой цыганских оркестров, в которой слились интонации словацкие, румынские, еврейские, итальянские.

В своем замечательном исследовании «Венгерская народная музыка» [Кодай 1961] (изд. на рус. яз. в 1961 г.) З. Кодай проблему связей старовенгерской музыки с музыкой родственных народов Среднего Поволжья ставит в центр исследования. Отправной точкой для него становится марийская народная мелодика. Музыкаловедчески исследуя старовенгерский пентатонный стиль в сравнении с марийскими, чувашскими и ногайскими песнями, Кодай находил в них родство ритмических и интонационных структур. Приводя убедительные сопоставления старовенгерских напевов с марийскими, он доказывает генетическое родство их структур. Таким образом, Кодай вносит ясность в вопрос о национальной самобытности венгерской народной музыки, тем самым отбрасывая ложные представления о ней. «Псевдовенгерской» музыке, в роли которой долго выступал вербункош, он противопоставляет (как исконный материал) старовенгерскую пентатонную песню. И параллели с марийцами, чувашами служат для Кодая (и, соответственно, для читателя) убедительнейшим аргументом этой исконности [Кодай 1961, 25–59]. «Время могло сгладить восточные черты облика венгров, но где-то в глубине души, там, где берет начало источник музыки, все еще сохранилась частица древней страны солнечного восхода, связывающая венгров

с народами, язык которых они давно уже не понимают и от которых они отличаются по самому укладу своей духовной жизни» [Там же, 61], – так передает Кодая свое ощущение древности в душе венгерского народа, имея в виду далекую историческую ретроспективу, гораздо более раннюю, чем поволжско-приуральский период истории венгров.

В аналитической работе Кодая можно констатировать сегодня факт, скорее всего, ему самому неизвестный: чувашский напев (№ 26), который он сопоставлял в качестве тюркского с венгерскими, «работает» исключительно на финно-угорскую проблематику. Дело в том, что напевы взяты из фольклора верховых чувашей (чувашей-вирьялов [История... 1983, 44–45, 54]), имеющих горномарийский субстрат, идентичность которых сохраняется в области традиционного музыкального мышления. В мелодиях вирьял содержится характерная черта марийской песенности: квинтовая транспозиция интонационных структур, – которая видна в нотном примере № 26в в книге Кодая. Следовательно, у примеров финно-угорское происхождение (пример 52в также горно-марийский по ритму и интонациям).

В Волго-Камском регионе таких исторических «сюрпризов» для этномузыкологов много. Например, существуют известные историкам факты: горномарийский субстрат у чувашей-вирьял; бесермяне как тюркский (?) «метеорит» в удмуртской культуре [О бесермянах 1997]; татароязычные мордва-каратаи; кряшены в татарской культуре и другие подобные интересующие нас факты. Во всех этих случаях этномузыкология будет оперировать своим предметом изучения: традиционными формами пения и музыкальными структурами. И тут культурогенез может разойтись с этногенезом.

Исследовательский опыт Золтана Кодая показывает, что сохранение древних песенных слоев в фольклорной традиции является уникальным свидетельством живучести музыкально-исторической памяти, безусловно дающее надежду отыскать в изучаемой песенной традиции следы исторических предков. Но, как видим, уже тогда наметилась проблема этнической идентификации обрядовых мелодий в Урало-Поволжском материале.

Изучение традиционного песенного фольклора народов Волго-Камья музыковедами региона во вт. пол. XX в. обнаружило очевидное сходство ряда мелодических, ритмических и ладовых структур в песнях, что породило и научные споры об этнической идентичности этих образцов. В науке региона сопоставительные исследования обрядовых песен существуют в объеме сравнения единичной чувашской песни с марийской, удмуртской, мордовской, татарской [Кондратьев 1990а, 1991, 1993, 1997], единичной марийской и удмуртской песни с песней татар-кряшен [Герасимов 1980; Нуриева 1996]. Но эти «штучные» сравнения – лишь вершина айсберга под названием **диффузия*** тюркского

* Термин «диффузия» в качестве рабочего аналитического был предложен нами для региональной этномузыкологии применительно к формульному мелосу в докладе «Проблема идентификации этнического в музыкальном фольклоре контактной зоны (Волго-Камье)» на конференции, посвященной 70-летию И. И. Земцовского (2006, С.-Петербург) [Альмеева 2010].

и финно-угорского элемента в традиционном музыкальном наследии, а именно – в обрядовом мелодическом слое песенных традиций. Думается, что эта тема еще недостаточно очевидна научному миру этномузыкологии, а созвучна она будет также и этнолингвистам, и историкам.

К осознанию того, что этническая идентификация старинных песенных мелодий народов Волго-Уральского региона требует уточнения, автор этих строк приходит через рассмотрение обрядового фольклора православных татар-кряшен. На пространстве татароязычного фольклора именно они являются носителями традиционной системы обрядово приуроченных жанров.

Волго-уральские татары как этнос сформировались в этой древней контактной зоне между Волгой, Уралом, Каспием и Западной Сибирью. Обрядовый фольклор сохранился в небольшом количестве у татар-мишарей, которые являются мусульманами. Идентифицировать же обрядовый фольклор кряшен необходимо в контексте ряда культур Средневолжского региона. Прделанный нами целенаправленный интонационный анализ показывает сходные – вплоть до полного сходства – мелодико-ритмические структуры в обрядовом песенном фольклоре восточных марийцев, южных удмуртов, татар-кряшен, татар-мишарей, то есть у поволжских финнов, приуральских угров и волго-уральских тюрков, которые относятся к разным языковым группам, говорам и подговорам. Как же этнически идентифицировать эти явления сходства? Упомянутые структуры описываются в чувашской фольклористике как чувашские, в татарской – как татарские и в марийской – как марийские, поскольку для каждой из них речь идет о национальном явлении их музыкального языка. Но когда мы задаемся вопросом, какова этническая принадлежность той или иной вышеупомянутой мелодико-ритмической структуры, то, видимо, есть основания предположить, что мы имеем дело с единым для названных народов стилевым пластом в пентатонной поволжской зоне.

И тут опять вспомним Золтана Кодая, который в своем сравнительном исследовании писал, что в венгерской народной музыке «пока трудно различить угорские и тюркские элементы» [Кодай 1961, 60], и выразил надежду на изучение фольклора народов Поволжья, как он выразился в своей книге, «на месте». Для решения этого сложносоставного вопроса необходимо обозначить **критерии определения финно-угорской и тюркской специфики обрядовой мелодики**, а тем более, понятия общетюркского и общефинно-пермского, общеугорского. Они требуют формирования **этномузыкологических критериев**. А музыкальные культуры всех тюркоязычных народов весьма отличаются, так же, как и культуры финно-угорских народов евразийского пространства. Золтан Кодай писал, к примеру, что музыка финского народа «так далека от венгерской, что до сих пор не могли быть выявлены сколько-нибудь существенные общие черты» [Там же, 26]. То же можем сказать и о тюркских песенных культурах. Насколько похожи песенные культуры, которые мы поставим в следующие пары сопоставлений: турецкая и якутская, чувашская и казахская, эстонская и южноудмуртская, мордовская и восточномарийская? Если и можно говорить о сходстве, то, видимо, отдельных элементов музыкального языка, но в целом культуры очень различимы, ведь различны культурная история этих этносов, их исторические пути, этнокультурные субстраты и контакты, сформировавшие их сегодняшней облик.

Несомненно, требуется этническая идентификация. Но если для этнолингвистики тюркская или финно-угорская принадлежность слова к определенной языковой группе – это вещь явная, то для этномузыкологии нашей контактной зоны выявление этнической принадлежности многих деталей **музыкального языка обрядовых песен** – работа, еще не проделанная. У всех народов региона в песенном фольклоре присутствует пентатоника, встречаются общие ритмические структуры. Для определения: что именно является сугубым проявлением конкретно этнического (татарского, чувашского, марийского и т. п.) в обрядовом мелосе народов Поволжья / Приуралья, – критериев в науке не предложено. Следовательно, **этнически не идентифицировано**. Но, формируя и формулируя этномузыкологические критерии определения общефинно-угорской или общетюркской принадлежности элементов музыкального языка фольклорных культур в Поволжье, на каких тюрков и каких финно-угров ориентироваться в качестве эталона? Существуют ли **общая тюркская музыка** или **общая финно-угорская народная музыка**? Ведь не существует тюркской музыки вообще или финно-угорской музыки вообще: и та, и другая опредмечены в конкретных культурных комплексах в контексте своего географического расположения – как региональные финно-угорские и региональные тюркские.

На пути формирования таких критериев и в свете изложенного встает ряд дискуссионных вопросов культурологического характера. Вот только немногие из них:

– в традиционной песенной культуре тюркоязычного чувашского этноса различают песенные традиции верховых чувашей-вирьял и низовых чувашанатри [Кондратьев 1990, 124–139]. Их различие на уровне песенных структур обусловлено тем, что вирьялы имеют горномарийский (финно-угорский) субстрат [Трофимова 1950, 55, 65; Козлова 1985; Хамидуллин 2002; Абрамов 2005; Гаген-Торн 1960; Иванов, Николаев, Димитриев 2000]. В этом случае может ли чувашская народная песенность представлять **тюркскую мелодику** в Поволжье?

– подавляющее большинство обрядовых напевов финно-угорязычных восточных мари и южных удмуртов пентатонны и одноголосны, что роднит их культуру с татарской и чувашской больше, чем, например, с культурой коми или прибалтийских финнов (при этом они не перестают быть финно-угорязычным народом, имея вторым языком общения татарский); если это так, то можно ли говорить, что марийская или удмуртская культуры, взятые в целом, репрезентируют **финно-угорский мелодический стиль** в Поволжье?

Отсюда: говоря «чувашское» в музыке Поволжья, всегда ли мы говорим о «тюркском»? И если тюркское, то какое: болгарское, кыпчакское, огузское, уйгурское (см. этническую историю) [Ахметьянов 1981; 1991]? Или, говоря «удмуртское», «марийское» в музыке Волго-Камья, следует ли думать, что мы говорим о «финно-угорском»? И если финно-угорское, то, опять же: какое (см. этническую историю)? И вообще: финское или угорское? Поэтому недостаточно сказать «это – сугубо чувашское / марийское / татарское», так как любое из них – сложносоставное.

На какой стадии смешения мы обнаружили ту или иную песенную традицию контактной зоны, надо разбираться всякий раз специально, потому что музыкальные «информационные слои» могли уже давно войти в процессы, близкие

к химическим реакциям – диффузии, слиянию и т. п.* И наше, этномузыкологов, дело – аргументировать свою позицию только музыковедческими аргументами.

Этническая идентификация обрядового мелоса в Поволжье может быть сделана в перспективе на основе расширенного рассмотрения данных обрядового пения в масштабах целого ряда регионов Евразии, имевших отношение к истории Волго-Камского региона.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов В. К. К вопросу об антропологическом типе горных марийцев // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 9 С. 34–35. [Эл. ресурс]. URL: www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=4316 (дата обращения: 23.10.2011).

Альмеева Н. Ю. Обрядовый мелос народов Волго-Камья как исторический источник: реальное и эфемерное // Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятий / Сб. науч. статей, посвященный 70-летию И. И. Земцовского в 2-х частях / [Сост. Н. Ю. Альмеева]. Ч. 1. СПб.: Российский институт истории искусств, 2010. С. 110–127.

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., Наука, 1981. 144 с.

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., Наука, 1989. 200 с.

Барток Бела. Народная музыка Венгрии и соседних народов. М., 1966. 79 с.

Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. 234 с.

Герасимов О. М. К постановке вопроса об этномузыкальных связях елабужских мари и кряшен // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами: Сб. ст. Таллин, 1980. С. 267–274.

Земцовский И. И. Мелодика календарных песен. Л., Музыка. 1975. 222 с.

История Чувашской АССР. Чебоксары, 1983. 285 с.

Кодаи Золтан. Венгерская народная музыка. Будапешт: Корвина. 1961. 186 с.

Козлова К. И. Об этнических связях чувашей и марийцев // Вестник МГУ: историко-филологическая серия. Москва, 1985. С. 153.

Кондратьев М. Г. О чувашско-удмуртских этномузыкальных параллелях // Этническая культура чувашей (вопросы генезиса и эволюции): Сб. ст. Чебоксары, 1990а. С. 72–104.

Кондратьев М. Г. О чувашско-татарских этномузыкальных параллелях (введение в проблематику) // Из наследия художественной культуры Чувашии: Сб. ст. Чебоксары, 1991. С. 3–61.

Кондратьев М. Г. Чувашская *çавра юрă* и ее татарские параллели. Чебоксары, 1993. 80 с.

Кондратьев М. Г. Музыкальный фольклор молькеевских кряшен в свете чувашских параллелей // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Вып. 3. Чебоксары, 1997. С. 29–69.

Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. Р. Г. Кузеев. М.: Наука, 1985. 310 с.

Нуриева И. М. Этномузыкальные параллели в системе народного календаря финно-угров и крещёных татар (кряшен) // Финно-угроведение. 1996. № 1. С. 88–93.

О бесермянах: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Г. Л. Шкляев. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и лит-ры УрО РАН, 1997. 140 с.: илл., фото.

Шнайдер М. Аккультурация в музыке // Музыка народов Азии и Африки. Вып. 1. М., 1969. С. 285–309.

* Как работает человеческая память со вновь воспринимаемой музыкой, в виде эксперимента описано в статье [Шнайдер 1969].

Поступила в редакцию 17.05.2017

Альмеева Наиля Юнисовна,
кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник,
ФГБНИУ Российский институт истории искусств,
190000, Россия, Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., 5
e-mail: spb@artcenter.ru

N. Yu. Almeeva

The Finno-Ugrians and Turks: ethnic identity of folk tunes in the Volga-Kama region

Ethnic processes, ethnic and cultural history, and ethno genesis can be traced in the ritual song folklore which survived to our days. Musical structural parameters of traditional singing (ritual folklore) are able to show the congeniality of some ethnic groups/ cultures in time and space. The article studies traditional song folklore of the Finno-Ugric and Turks of the Volga and Ural regions in historical and cultural context of the region, as well as in the aspect of ethnic identity in the music of oral tradition.

Keywords: the Volga-Kama region; the Finno-Ugric peoples; Turks; ritual songs; cultural diffusion; ethnic identity, traditional song, folklore and ethno-genesis; genesis of culture; ethno-cultural substrate.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2017, vol. 11, issue 2, pp. 161–168. In Russian.

REFERENCES

Abramov V. K. *K voprosu ob antropologicheskom tipe gornyh marijcev* [Towards the anthropological type of the mountain Mari]. *Современные наукоемкие технологии* [Modern high technologies]. 2005. № 9, pp. 34–35. URL: www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=4316 (accessed 23.10.2011). In Russian.

Al'meeva N. Yu. *Obyadovyy melodii narodov Volgo-Kam'ya kak istoricheskij istochnik: real'noe i ehfemernoe* [Ritual melodies of the peoples of the Volga-Kama region as a historical source: the real and the ephemeral] *Fol'klor i my: Tradicionnaya kul'tura v zerkale ee vospriyatij. Sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyj 70-letiyu I. I. Zemcovskogo v 2-h chastyah. Sost. N. Yu. Al'meeva* [Folklore and we: Traditional culture in the mirror of her perceptions. Collection of scientific articles, dedicated to the 70th anniversary of Izaly I. Zemcovski in 2 parts. Comp. N. Yu. Almeeva]. Part I. Saint-Petersburg, 2010. Pp. 110–127.] In Russian.

Ahmet'yanov R. G. *Obshchaya leksika duhovnoj kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [General vocabulary of spiritual culture of the peoples of the Middle Volga region]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 144 p. In Russian.

Ahmet'yanov R. G. *Obshchaya leksika material'noj kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [General vocabulary of the material culture of the peoples of the Middle Volga region]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 200 p. In Russian.

Bartok Bela *Narodnaya muzyka Vengrii i sosednih narodov* [Folk music of Hungary and the neighboring peoples]. Moscow, Muzika Publ. 1966. In Russian.

Gagen-Torn N. I. *Zhenskaya odezhda narodov Povolzh'ya* [Women's clothing of the peoples of the Volga region]. Cheboksary, 1960. In Russian.

Gerasimov O. M. *K postanovke voprosa ob ehtnomuzykal'nyh svyazyah elabuzhskih mari i kryashen* [Towards ethnomusicology links Elabuga Marie and the Kryashens]. Finno-

ugorskij muzykal'nyj fol'klor i vzaimosvyazi s sosednimi kul'turami [Finno-Ugric musical folklore and the relationship with the neighboring cultures. A collection of articles]. Tallin, 1980. Pp. 267–274. In Russian.

Zemcovskij I.I. *Melodika kalendarnyh pesen* [The melodies of calendar songs]. Leningrad, Musica Publ. 1975. 224 p. In Russian.

Istoriya Chuvashskoj ASSR [The history of the Chuvash ASSR]. Cheboksary, 1983. 285 p. In Russian.

Kodai Zoltan *Vengerskaya narodnaya muzyka* [Hungarian folk music]. Budapesht. Korvina Publ. 1961. 186 p. In Russian.

Kozlova K. I. Ob etnicheskikh svyazyah chuvashey i mariycev [On ethnic relations of the Chuvash and Mari]. Vestnik MGU: istoriko-filologicheskaya seriya [Vestnik of MSU: historical-philological series.]. Moskva, 1985. In Russian.

Kondrat'ev M.G. O chuvashsko-udmurtских этномузыкальных параллелях [On the Chuvash and Udmurt ethno music parallels]. Ehtnicheskaya kul'tura chuvashey (voprosy genezisa i ehvolyucii) [Ethnic Chuvash culture (issues of genesis and evolution)]. A collection of articles. Cheboksary, 1990a. pp. 72–104. In Russian.

Kondrat'ev M. G. O chuvashsko-tatarskih этномузыкальных параллелях (vvedenie v problematiku) [On the Chuvash-Tatar ethno music parallels (introduction)]. Iz naslediya hudozhestvennoj kul'tury Chuvashii [From the heritage of the artistic culture of the Chuvash Republic]. A collection of articles. Cheboksary, 1991. pp. 3–61. In Russian.

Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya çavra yurä i ee tatarskie paralleli*. [Chuvash *shavra yura* and its Tatar parallels]. Cheboksary, 1993. 80 p. In Russian.

Kondrat'ev M. G. Muzykal'nyj fol'klor mol'keevskih kryashen v svete chuvashskih parallelej [Musical folklore of the Kryashens mol'keevo areal in the light of the Chuvash parallels]. Chuvashskoe iskusstvo. Voprosy teorii i istorii. Vyp. III [Chuvash art. Issues of theory and history. Vol. III.]. Cheboksary, 1997. pp. 29–69. In Russian.

Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Istoriko-ethnograficheskie ocherki [The peoples of the Volga and Ural regions. Historical and ethnographic essays]. Otvet. red. R. G. Kuzeev [Responsible ed. by R. G. Kuzeyev]. Moskva, 1985. Nauka Publ. 310 p. In Russian.

Nurieva I. M. Ehtnomuzykal'nye paralleli v sisteme narodnogo kalendarya finno-ugrov i kreshchyonyh tatar (kryashen) [Ethno music parallels in the system of folk calendar of the Finno-Ugric peoples and baptized Tatars (Kryashen)] Finno-ugrovedenie [Finno-ugrology], 1996, № 1. pp. 88–93. In Russian.

O besermyanah [On besermyan]. Sbornik statej [A collection of articles]. Izhevsk: Udm. in-t istorii, yazyka i lit-ry UrO RAN. [Izhevsk: UDM. Institute of history, language and literature, Ural branch, Russian Academy of Sciences Publ.]. 1997. 140 p.: ill., foto. In Russian.

Shnajder M. Akkul'turaciya v muzyke [Acculturation in music] Muzyka narodov Azii i Afriki. Vyp. 1. [Music of the peoples of Asia and Africa]. Moskva, 1969. Vol. 1. pp. 285–309. In Russian.

Received 17.05.2017

Almeeva Nailia Yunisovna,

PhD in Art History, Senior Research Associate,

Russian Institute of Art History,

5, Isaakievskaya square, Saint-Petersburg, 190000, Russian Federation

e-mail: spb@artcenter.ru